

С огромным успехом проходят в нашем городе гастроли Малого театра СССР. Рижане горячо аплодируют высокому искусству замечательных актеров. Большой популярностью пользуется имя народного артиста СССР Михаила Ивановича Жарова — талантливейшего мастера сцены и экрана.

Михаил Жаров автор интересных воспоминаний, публиковавшихся в журнале «Театр». Ниже мы печатаем отрывок из этих воспоминаний.

ГЛЯЖУ РЕВОЛЮЦИЮ

М. ЖАРОВ,
народный артист СССР

За что-то обругав нас, он пошел, постукивая палкой, в которую, как рассказывали бутфоры, был вмонтирован стилет. По иронии судьбы он был вскорее убит у Никитских ворот пулей белогвардейца, а опасался «красных»!

Началась перестрелка с юнкерами полковника Рябцева, которые окружили Кремль, блокируя находящиеся там краснोगвардейцев. От Охотного ряда к Моссовету хлынула толпа. Впереди нее посередине мостовой шел студент, еще почти мальчик, с ружьем под мышкой и, как свечу, держал перед собой окровавленный палец. Он смотрел на него не отрываясь, был бледен, и губы его, как мне показалось, шептали: «Мама, мама!» Это был первый раненый, которого я увидел в тот день.

Ночь прошла в стрельбе, а рано утром, часов в девять, я побежал в театр — там все было до возмутительности спокойно. Я не мог остаться там и снова побежал к Моссовету. Было тихо и безлюдно. На углу Камергерского переулка и Тверской стояла застава — солдаты с пулеметами. Дула «максимов» смотрели в сторону Газетного переулка. Я подошел к группе вооруженных людей. Несколько человек, какой-то дворник и я обратились к командиру с красной лентой на рукаве и с красной кокардой на серой шапке с просьбой пропустить нас к Моссовету. Пропустив дворника, тот взглянул на меня, художнического парнишку с детским лицом, и, усмехнувшись, сказал, возвращая именную пропуск:

— Юнкера еще кругом стреляют. Иди-ка, Жаров, лучше домой. Небось мать волнуется. И вообще не стойте на углу!

Но не так-то легко было от меня избавиться! Меня все бесконечно волновало, и я, прижавшись к стене, остался стоять.

Вдруг тишину дробно прорезал стук колес. В Газетном переулке появилась тачанка, направляющаяся к перекрестку Тверской. На ней что-то лежало, накрытое шинелями, а сверху спиной друг к другу сидели двое военных. На козлах помещался офицер в папаче, с поднятым воротником шинели и руками в карманах. Тачанка держала направление на Камергерский переулок, где стояла наша застава. Когда она приблизилась, на перекресток мостовой вышел красный командир и поднял левую руку:

— Стой, кто такие?

Солдат, подошедший вместе с ним, взял винтовку наперевес. Вместо ответа раздался выстрел. Стрелял возница. Наш командир упал. Человек в офицерской папаче прыгнул с та-

чанки, как кузнецик на булаву, напоролся на штык красногвардейца. Беляк инстинктивно выдернул его, схватился руками за живот и побежал в нашу сторону. С обеих сторон улицы застреляли. Я юркнул в первые попавшиеся ворота. Стрельба так же быстро прекратилась, как и внезапно началась. Мимо меня шагах в трех-четырех пробежал раненый с распоротым животом. Я видел, как он упал напротив ворот.

Когда мы выглянули из ворот, на месте боя лежало уже четыре трупа. Из серого дома в Камергерском переулке, где находился Белостокский госпиталь, а ныне студия МХАТ, бежали санитары с носилками.

Меня трясло, как в лихорадке. Первый раз в жизни я видел убитых, и не на войне, а в мирной, как мне, казалось, обстановке родного города, рядом с любимым моим театром. Я видел смерть. Три дня я пролежал дома в горячке, меня никуда не пускали. На четвертый я все-таки убежал от матери и снова видел улицы, где шли бои. Через несколько дней было подписано перемирие для того, чтобы похоронить убитых. Первыми хоронили красных. За бесконечной вереницей гробов, которые несли к Красной площади, шла настоящая демонстрация.

Покуда жив, не забуду эту картину. Она так и стоит перед глазами. Массовые похороны жертв революции. В этом было что-то величественное, полное большого исторического смысла. Я прошел к Большому театру, пересек сквер и остановился в толпе у здания бывшего театра Незлобиной, ныне Центрального детского. От Лубянской площади к Охотному ряду спускалась процессия с гробами погибших в боях на Таганке, в Сокольниках, на Мясницкой.

Я помню свое тогдашнее ощущение: мне хотелось плакать, а когда я, одернув себя «стыдно! Ты же взрослый мужчина!», провел рукой по щеке, она стала мокрой от слез. Я слился с толпой, и от этого моя сердечная боль стала острее.

Я двинулся за процессией, мимо Думы, мимо Иверских ворот. Вот они, Иверские ворота! Это же целая история. Сколько связано с ними воспоминаний старого москвича!

...Похороны жертв революции в моем сознании превратились в какой-то символический акт. Будто подвели черту моим 17 годам и открыли новую страницу жизни — 18-ю. Я чув-

ствовал, что становлюсь другим, что взрослою.

А жизнь в Москве, по крайней мере внешне, продолжала катиться по старым рельсам. Прошли два-три дня траура, и по городу заперли афиши, возмещающие выступление Вертинского в Славянском базаре. Я, конечно, не мог пропустить этого зрелища и должен был увидеть московского Пьеро, песни которого знал и любил. Концерт Вертинского был первым официальным концертом в Москве после бурных событий Октября. В дни траура устройство концертов и зрелищ было запрещено.

В небольшом зале сидели и стояли почти одни дамы. Мне бросилось в глаза, что все они в черном и на рукаве носят креповые повязки — знак личного траура. У многих в руках цветы. И когда вышел Вертинский, цветы полетели на сцену. Маэстро впервые надел не свой обычный костюм Пьеро, а черную визитку, на правый рукав тоже повязал траурный креповый бант. Вертинский был очень бледен, крахмальная сорочка еще больше подчеркивала бледность его лица.

— Я спою вам песенку, посвященную этим мальчикам. — И впервые спел:

«Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал их на смерть
беспощадной рукой...»

Новая песня Вертинского, сочиненная и исполненная им на смерть юнкеров, вызвала в зале рыдания и слезы. Вертинский стоял неподвижно и пел с закрытыми глазами. Вторая песня была знакомая:

«Ваши пальцы пахнут ладаном,
А в ресницах спит печаль...»

Когда он запел третью, я заметил, что происходит что-то странное. Вертинский, как-то неловко пятясь, но продолжая тем не менее петь, скрылся за занавесом, а вместо него на авансцену вышел рабочий-краснोगвардеец и, подняв руку, тихо и застенчиво сказал:

— Граждане, будьте спокойны! Концерт продолжаться не будет. Приготовьте ваши документы.

Как в известном фильме, но это было в действительности. Так закончился последний концерт Вертинского в Москве.

Через несколько дней я снова в театре — приступаю к исполнению своих, как мне теперь после пережитого на улицах Москвы кажется, скучных обязанностей. Мое отсутствие никого не удивило. Театр не разбоялся. Там в дни боев стояли солдаты.

В театры постепенно тоже врывается свежий ветер с улицы. Комиссаром академических театров, в том числе Большого и бывшей оперы Зимина, была назначена Елена Константиновна Малиновская. Сначала она собрала служащих театра и сказала:

— Давайте познакомимся, кто из вас что делает?

Взглянув на нас, молодежь, она спросила, чем мы занимаемся в эти дни. Я ответил: «Смотрел революцию». Малиновская сказала:

— А вам не кажется, что надо не смотреть, а помогать? Ребята вы молодые, займитесь делом. Кругом фронт! Надо помогать народу. Твой отец кто? — спросила она меня.

— Печатник!
— Значит, рабочий?
— Да.

— Вот и помогай, помогай во всяком случае мне, по долгу службы.

Я заявил, что больше всего хочу учиться, что моя давнишняя мечта стать историком-филологом. Тут произошла смешная ошибка. Я думал сказать «археологом», ибо меня всегда интересовали раскопки, но в растерянности сказал «филологом».

Малиновская сказала:
— Учись! Тебе это вполне доступно!

И после собрания она дала мне письмо к ректору Московского университета, в котором просила принять меня как сына рабочего, на учебу. Я действительно был немедленно зачислен на историко-филологический факультет. Исправлять ошибку я постеснялся. И остался на филологическом. В те времена дела решались быстро, без волокиты. Другой вопрос, что мне не по силам было совмещать две такие огромные нагрузки, как занятие в университете и напруга в театре. Я горячо помогал организовывать Ф. Ф. Комиссаржевскому. Театр переселился, и я бросил университет.

На снимке: М. Жаров в Риге. Август 1965 г.
Фото Ю. Куприянова